

Один день

Сборник рассказов

**Катерина Панкова
Ольга Соломатина
Софа Левитина
Оксана Загвоздкина
Светлана Макарова**

Один день. Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073723
ISBN 9785448342400*

Аннотация

Это сборник рассказов участников курса «Кради как писатель». Мы взяли рассказ Рэя Бредбери «Один день», вдохновились и написали свои версии.

Содержание

Чашка дрожит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Один день
Сборник рассказов
Ольга Соломатина
Оксана Загвоздкина
Софа Левитина
Светлана Макарова
Катерина Панкова

© Ольга Соломатина, 2016

© Оксана Загвоздкина, 2016

© Софа Левитина, 2016

© Светлана Макарова, 2016

© Катерина Панкова, 2016

ISBN 978-5-4483-4240-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чашка дрожит

«Когда человек стареет, на что похож становится, – размышлял Николаич, наблюдая, как дрожит в руке треснувшая чашка. – Природе надо было так создать человека, чтобы, пока жил, всегда молодой был». Он вздохнул и продолжил уже вслух: «А если бы я еще и пил!» Усмехнувшись в усы, Николаич задержал дыхание: «Дрожит, мать ее етить». Чайные капли расплзались по газете, оставляя мокрые вмятины на чужих мыслях.

– Дед! Опять ты! – Андрей ворвался на кухню. – Просил же: не трогай ни-че-го у меня в комнате!

– Тебя нет. Свет горит. Радио орет. Для кого?

– Тебе то что?

«Суд в Северной Осетии рассмотрит возмещение морального ущерба пострадавшим при теракте в Беслане», – вклинилась в разговор диктор с экрана.

– Экономить хочешь? – Андрей схватил пульт и выключил телевизор. – Газету тогда читай. И чай холодный пей! Экономь!

– Холодный мы пили... Дома воды не было – из Днепра набирали и пили, – обиженно забормотал дед. – Из Днепра...

И вдруг застыл: «Какое сегодня число? Шестое?»

– С утра было.

– А год какой?

– Ты чего, дед?

Николаич уже подсчитывал что-то в уме.

– Как же так. Забыл. Совсем память не та стала.

– Так ты записывай! – сострил Андрей.

Дед прошаркал в спальню. Андрей слышал, как он боролся с ящиком, открыв его только с третьего раза, потом долго шуршал чем-то и затих.

Запах старости и нафталина. Сколько ни проветривай, комната так и пахладедом или это дед уже сросся со своим советским гарнитуром, собранием сочинений Лескова, поношенными серыми костюмами, широкими галстуками и остановившимися часами.

Вот и сейчас он сидел на кровати, перебирая трясущимися руками пожелтевшие вырезки из газет, и плакал.

– Чего ты, дед? – перепугался Андрей.

– Как я мог забыть? Это же сегодня. Сегодня!

– Что сегодня? Помер кто?

– Приедут сегодня.

– В смысле?

– Друзья мои, – Николаич протянул Андрею потрескавшееся фото, где четверо пацанов стояли обнявшись у большого дерева.

– Вовка, Алик, а этот поменьше – Димка, видишь?

Андрей присел на краешек кровати. С фотографии ему подмигивали хохочущие мальчишки с битыми коленками, но пока еще в белых майках. Очевидно, фотограф поймал их

в разгар веселья или, может, сморозил что-то смешное. Деда было видно плохо, потому как он от смеха сложился вдвое.

– Вовка, Алик и Димка. Нам тут по десять. В 41-м, – дед замолчал и провел ладонью по морщинистой щеке, потом еще раз для верности.

– Это ж сколько лет-то прошло...

– Много...

– Они хоть живы?

– Живы! Мои друзья живы! – на пол посыпались письма, талоны и какие-то выцветшие картонки, – и мы все решили, давно еще! Так и будет!

– Ты о чем? – подбирая с пола дедовы воспоминания, переспросил Андрей.

– Когда нас спасут, когда вырастем – соберемся. Я позвал их в гости.

– В 41-м?

– Почему в 41-м? В прошлом месяце. На почту ходил.

– И что они ответили?

Но Николаич, словно не слыша вопроса, уже ковырялся в шкафу.

– А если они переехали? – не унимался Андрей.

– Куда?

– Да куда угодно – в Америку, на Камчатку.

– Нет, они там.

Он, наконец, вытащил парадно-выходной костюм и, приложив к груди, рассматривал свое отражение.

– А почему сегодня-то?

– 6 ноября! Вот почему. Чему вас по истории учат?

Андрей смотрел, как дед возится с пуговицами.

– И куда ты собрался?

– На вокзал. Я им все написал: когда, какой поезд, куда ехать. А я их встречу.

– И забыл, – Андрей моментально пожалел, что ляпнул лишнее. Дед был на взводе, того и гляди за валидолом бежать придется.

– Может, лучше поможешь? – Николаич с укором посмотрел на внука сквозь залапанные стекла очков.

Андрей отложил письма, вытащил вешалку и расстегнул пиджак. «Как же он похудел после инсульта. Надо матери набрать, может, она в курсе за встречу».

– Ну, как я?

Дед выглядел как победитель ток-шоу о похудении. Ремень пришлось застегивать на новую дырку, а вот мешковатый пиджак был только на перешивку. Но вместо этого Андрей ободряюще подмигнул дедову отражению:

– Нормально! Ты у меня молоток! Бабки во дворе обзавидуются... Давай подброшу.

– Не надо, я сам. На маршрутке. Пару остановок всего.

Андрей смотрел, как дед аккуратно засовывает фотографию во внутренний карман, берет кепку и направляется к двери.

– Много не пейте, – кинул он вслед.

– А мы выпьем! На сэкономленные! – отшутился тот уже с лестничной площадки.

Андрей снова посмотрел на разбросанные письма. Парочка была совсем новых. Все с красным штампом «Вернуть от правителю»...

...Небо притягивало, словно забытая картина Айвазовского. Воздух отдавал костром и осенью. Народу на остановке не было. Маршрутки пролетали мимо: вторая, третья. Николаич уже начал переживать, что опоздает к поезду, как водитель желтой «газели» притормозил прямо у тротуара. Дед покряхтел, открывая дверь, и залез. Место было одно.

– Оплачиваем проезд.

Николаич пошарил по карманам. Кошелек не было. Его словно обдало холодом. «Зайцев» и воров расстреливают. Детский страх. Тот самый. А он думал, что позабыл его. Пальцы вцепились в потертые кожаные подлокотники. Расстреливают... Он побледнел и начал судорожно глотать воздух. Три секунды. Пять. Десять.

– Не переживай, отец, я заплачу.

Николаич пристально следил, как парень напротив, не вынимая наушников, передает мелочь водителю.

– Спасибо, – прошептал старик, но тот его уже не слышал.

– Да зарегистрился я вчера на сайте. Не понял? – парень говорил громко, прерывисто, словно отбивая ритм одному ему слышимой песни. – Фотка? Нет у меня. С войны? Посмотрю. У матери, может, есть.

«Совсем как Вовка», – подумал Николаич. Такой же шумный, крикливый, но, если надо помочь, – первый. До прихода немцев они любили запрыгнуть на подножку трамвая и соревноваться, кто дольше проедет, не заплатив. После сентября на улицы старались вообще не показываться.

– Смотри – Залинка, – мужской голос вернул Николаича в маршрутку.

Парень с наушниками и его сосед махали кому-то за окном.

– Она ж мне сегодня на паре гадала.

– Сказала, что линия жизни длинная?

– А то! Я вас всех переживу.

Студенты захохотали.

«Прямо как мы», – подумал Николаич. Алик всегда все переводил в шутку. Шпынял Димку, но по-дружески. Потому что тот был самый маленький. Не по возрасту. Так-то они были из одной параллели, но за лето все вытянулись, а Димка – нет. Дружили они всегда, но в тот год стали еще дружнее: то ли потому, что остались одни, то ли где-то на подсознательном уровне закрепилось: надо защищать, быть сильным, надо просто быть. Само бытие теперь определяло невзрачное двухэтажное здание с бумажными крестами на окнах и непрокрашенными рамами. Вспомнилось, как поначалу они сбегали из интерната раза по три за день, не осознавая, что только там у них оставался хоть какой-то шанс выжить в оккупированном городе...

По маршрутке поплыл сладкий запах цитрусов. Николаич обернулся. Худенькая кареглазая девочка у прохода чистила мандарин. На дольки не делила. Откусывала сразу. Сок лился на пальцы, она старалась облизнуть их, но не успевала.

...Фрукты. За два года в интернате они с мальчишками практически забыли их вкус. Он даже завидовал детям помладше. Те, играя в лото, узнавали фрукты лишь по картинкам. Для них все было в диковинку. Он помнил. Ему часто снилось, как рвет яблоки у бабушки в деревне и ест, ест и не может наестся. Поначалу тайком даже лизал карточки, но у слив и мандаринов был вкус отсыревшей бумаги. Однажды на базаре им удалось променять старую дедову фуфайку на кусочек шоколадки. Он был горький и почему-то пах рыбой, но они вчетвером смаковали каждую дольку. И потом целый день не ели, чтобы не перебить во рту привкус беззаботного лета, когда пенки от варенья уминали столовыми ложками, отцу еще не пришла повестка и мама тоже была дома. Правда, вскоре об этом пришлось пожалеть. В воскресенье их с Вовкой замели в одной из облав, загнали в крытую машину, насквозь провонявшуюся потом и мочой. Ехали долго. Кто-то плакал. Кто-то тихо пел колыбельную. Водитель то прибавлял газу, то резко скидывал обороты. На очередном повороте машина встала, и он уткнулся лицом в чей-то мягкий теплый живот. Снаружи слышались голоса. Немецкая речь еще сильнее разделила мир на тех, кто внутри и снаружи, с каждым шагом нагнетая страх и отчая-

ние. Николаич усиленно пытался отыскать в темноте Вовкину ладонь, когда неведомая сила потянула его наверх и вытолкнула на холод. Он еле успел отползти в сторону, а сверху, как мешок с картошкой, рухнул Вовка. Они скатились в канаву и остались лежать ничком, пока голоса и машина не растворились в февральской слякоти. Как добрались до города? Чудом. В сумерках их двор со старой акацией выглядел совсем чужим, если бы не мелькнувший в одном из окон Алик. Как же они радовались, что снова все вместе и все живы!

– Нет, не купила еще подарок. Вот сейчас на рынок доеду, там посмотрю, что взять. Может, белье постельное шелковое дорогое. Нет, – женщина посмотрела на часы. – А ты когда освободишься? Ну, если я не выберу, подходи на «Дружбу». А что взять тогда? Сервиз? Мне еще продуктов купить надо. Грише повестка пришла. Да, давай, минут через тридцать подходи, я еще там буду.

Маршрутка притормозила на светофоре.

– Сынок, я здесь выйду, ладно? – Николаич повысил голос, чтобы докричаться до водителя. Тот тоже говорил по телефону. Кто-то помог открыть дверь, он сделал шаг вперед и наткнулся на темноволосую девушку лет двадцати.

– Ты куда, дочка, дай мне хоть выйти, – не расслышав ответ, Николаич потопал по дороге в сторону вокзала. Дверь маршрутки гулко хлопнула. До остановки оставалось метров пятьдесят. Обед. Народу – не протолкнуться.

«Торопится, наврное», – решил Николаич, и тут рядом

что-то ухнуло, громыхнуло и его отшвырнуло в сторону.

...Где-то вдалеке кричала женщина. Даже не кричала. Выла. От боли. От ужаса. Ее крик и тот самый въедливый запах смерти – вот что Сашка мечтал забыть. Он стоял на другой стороне улицы и смотрел, как на виселице болтаются два тела. Женщина еще билась в судорогах, а Алик Фельдман за-тих почти сразу. С этого расстояния он выглядел даже меньше Димки и казался совсем беззащитным. Сашка тихонько завыл. Вовка зажал ему рот и потащил в чей-то подъезд.

– Молчи, пожалуйста, молчи! По-жа-луй-ста.

Они спрятались под лестницей и долго боялись оттуда выйти. А потом прятались в квартире Фельдманов, потому что кто-то сказал, что немцы туда уже не вернуться. Только вот там было еще страшнее. Сашка вздрагивал от каждого шороха. Но старался не показывать – надо было быть сильным. Все время хотелось есть. Димка украл где-то буханку хлеба. На вкус она была как мыло. На вид и того хуже. Но и ее старались растянуть на подольше. Стоило, наверное, вернуться в интернат. Но выходить на улицу было рискованно. Стекол в окнах не было давно. Книги валялись на полу, мальчишки собрали их в кучки и думали жечь, если станет совсем холодно, но это тоже было опасно. Спали, кутаясь в шторы и найденные в шкафах вещи. Ночью дом подпрыгивал от разрывов. Однажды тряхнуло так сильно, что на кухне выпали рамы. Тогда решили перебраться в подвал. Во вторник Димка ушел за едой и не вернулся. Искать его

не пошли. Обосновались в подвале. Спали в обнимку. Оба боялись остаться одни. Оба никогда бы не признались в этом друг другу. Бомбежки усиливались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.